
DOI 10.15826/QR.2015.4.134
УДК 94(571.1/.5)+94(485)+274.5

Елена Главацкая
Гуннар Торвальдсен

**СИБИРСКИЙ ВАВИЛОН:
ШВЕДСКИЕ УЗНИКИ В НАЧАЛЕ XVIII В.**

Elena Glavatskaya
Gunnar Thorvaldsen

**SIBERIAN BABILON: SWEDISH PRISONERS
OF WAR IN THE 18th CENTURY**

The article is devoted to the history of Swedes in Siberia from their capture in 1709 until their release after the signing of a peace treaty in 1721. The analysis is based on memoirs, diaries and literary works as well as documents from the Tyumen State Archive. The article examines the way in which the prisoners preserved their identity in exile. The Lutherans' hostility towards the Russian Orthodox Church followers and those of their compatriots, who decided to join it, increased the prisoners' religious isolation. The paper also considers their inclusion into cultural life and their interest in other groups of people by whose side they spent over a decade. There was an urgent issue connected with starting and leading a family life.

Given the shortage of Lutheran brides in Siberia, the prisoners had to develop appropriate marriage strategies. As a result, many widows became involved in a new relationship immediately after the death of their husbands. Most interfaith marriages broke up and the Russian Orthodox wives were abandoned together with their children in Russia after the peace treaty of 1721 and the return of the prisoners to their homeland.

The community of the Swedes was formed by more than 75 colonies dispersed throughout the country. They were mostly located in three regions, i. e. Central, Volga and Western Siberia. The colonies were associated with the Field Commissariat established in Moscow and ten administrative offices for prisoners of war. Senior army officers and aristocrats were settled in the capital and its suburban monasteries; most of the rank and file and junior officers worked in factories and shipyards. The most educated groups of officers resided in the Asian part of Russia, organizing the most active and successful colony in Tobolsk. Religion became the backbone and axis around which their community life concentrated, allowing the prisoners to accept their destiny and preserve their identity.

The prisoners themselves initiated the establishment of institutions necessary for a full-fledged religious life in exile. They established congregations

and groups to discuss religious issues, arranged places to conduct public services, as well as schools for both their children and people who wanted to nurture their spirituality.

Stories of the Old Testament turned out to be the most appropriate for the prisoners' sentiments. Captivity and exile to Siberia were perceived by many as punishment for their sins, similar to the Old Testament Babylonian captivity and deliverance, eventually leading to purification and spiritual growth. This helps explain why during captivity, many officers not only received religious education, but also took active part in the Christianization of the peoples of Siberia and described their indigenous religions. Such a goal gave their stay in Siberia a deep sense of universal meaning, helping them overcome the hardships of captivity and exile, while hoping to eventually return to their homeland.

Keywords: Great Northern War; Swedes prisoners of war; Lutheranism in Russia; pietism; Siberian exile; the Swedes in Siberia.

Статья посвящена истории нахождения шведов в Сибири с момента их захвата в 1709 г. и до освобождения после подписания мирного договора в 1721 г. На материалах мемуаров, дневников, литературных сочинений шведов и документов Тобольского филиала Тюменского государственного архива в статье рассматривается то, каким образом пленные сохраняли свою идентичность в местах ссылки. Конфессиональный изоляционизм пленных поддерживался неприязнью, которую испытывали лютеране к представителям православного исповедания и тем из своих соотечественников, кто перешел в него. Рассмотрены вопросы приобщения пленных к местной культурной жизни и их интерес к людям, рядом с которыми они провели более десятка лет.

Одной из острых проблем, с которыми пришлось столкнуться пленным в Сибири, было создание семьи. В условиях нехватки невест лютеранского вероисповедания пленные вырабатывали свои стратегии брачного поведения. Так, многие вдовы неизбежно оказывались вовлечены в новые отношения сразу после смерти мужей. Большинство межконфессиональных браков с православными невестами распалось после заключения мирного договора и возвращения пленных на родину.

Авторами установлено, что диаспора пленных шведов представляла собой систему из 75 самостоятельных колоний-поселений, разбросанных по всей стране. В основном они были сосредоточены в трех регионах – центральном, приволжском и западно-сибирском. Колонии были связаны с фельд-комиссариатом, учрежденным в Москве, и с десятью представительствами на местах размещения военнопленных. Высшие армейские чины и аристократия были поселены в столице и ее пригородных монастырях; большая часть рядовых и младших офицеров трудились на заводах и верфях. Наиболее образованная часть офицерства оказалась на территории Азиатской части России, в особенности на Урале и в Западной Сибири. Самой организованной, активной и успешно адаптированной являлась колония в Тобольске.

Документы свидетельствуют, что в кризисной ситуации плена религия стала системообразующей осью, вокруг которой концентрировалась жизнь сообщества пленных. При этом инициатива по созданию институтов, необходимых для полнокровной религиозной жизни в изгнании, зарождалась в среде самих пленных. Они активно создавали приходы и группы для обсуждения религиозных вопросов, обустроивали места для общественной службы, школы для молодежи и желающих поднять уровень своего духовного образования.

Сюжеты Ветхого Завета оказались более близки настроениям узников. Плен и высылка в Сибирь воспринимались многими как наказание за грехи, аналогичное ветхозаветному Вавилонскому плену, а освобождение связывалось с очищением и духовным ростом. Многие видели свою миссию в просвещении аборигенного населения и приняли активное участие в описании его религиозных традиций и христианизации.

Ключевые слова: Северная война; пленные шведы; лютеранство в России; пиелизм; сибирская ссылка; шведы в Сибири.

Победы русской армии в Северной войне обернулись трагедией, если не сказать кошмаром, для огромного числа шведских военных, оказавшихся на долгое десятилетие в русском плену, в землях, про которые многие из них никогда не слышали. Большая часть шведов попала в плен под Полтавой в июне 1709 г., но и до, и после этого небольшие группы воинов короля Карла XII, захваченных в ходе сражений в Прибалтике и на западных границах России, высылали на восток вместе с сотнями местных жителей.

История пребывания шведских узников в России имеет сложившуюся двухвековую историографическую традицию как в Швеции, так и в России [см.: Шебалдина, 2005, с. 7–24]. Сюжеты по истории пребывания пленных шведов в России рассматривались в контексте осмысления отечественной истории Петровской эпохи уже в конце XVIII в. Однако появление устойчивого интереса к этой теме связано с созданием в Швеции Каролинского общества и систематической публикацией источников, в том числе 12-томного издания дневников и мемуаров пленных шведов [Karolinska krigares dagböcker]. В XX в. изучением истории пребывания шведских пленных в России на протяжении многих лет занимался директор Военного архива Швеции А. Оберг [Åberg, 1991, 1999]. В российской историографии обращают на себя внимание изыскания Г. Шебалдиной. Ее диссертационное исследование позволило уточнить и дополнить недостающими деталями общую картину истории шведского плена в Сибири [Шебалдина, 2005]. Кроме этого, за последнее десятилетие ею также подготовлены научно-популярные работы на русском и шведском языках [Шебалдина, 2014; Schebaldina, 2010]¹.

¹ К сожалению, обе работы, представляющие высокий научный интерес, имеют общий существенный недостаток – отсутствие ссылок на использованные источники.

Написанные ярко и образно, книги дают читателю возможность познакомиться с малоизвестными сюжетами российской истории. Единственной публикацией по истории пребывания шведских военнопленных в Сибири на английском языке на сегодняшний день является статья Г. Торвальдсена [Thorvaldsen]. Данная статья посвящена более узкой теме – истории нахождения шведов в русском плену с момента их захвата в 1709 г. и до освобождения после подписания мирного договора в 1721 г. Учитывая сложившуюся историографическую традицию, мы постарались на основе разнообразных архивных источников, литературных произведений и эго-документов ответить на несколько вопросов: что представляла собой диаспора шведских пленных в пространственном отношении; каким образом пленные сохраняли свою идентичность в местах ссылки; как были обустроены их быт и инфраструктура, помогавшая сохранить идентичность; насколько активны были контакты с православным населением, насколько европейский опыт и умения шведов оказались востребованными в течение их десятилетнего пребывания в России.

После разгрома и пленения армии под Полтавой король Карл XII с оставшимися воинами перебрался через Днепр и отступил на территорию Османской империи. Лишь спустя долгих пять лет эта часть военных смогла наконец вернуться на Родину. Остальным не так повезло: около 7 тысяч бойцов шведской армии навсегда остались лежать в полях на местах сражений. Еще большее число вместе со всем вооружением оказалось в плену. Согласно сведениям Альфа Оберга, во время Полтавской битвы были взяты в плен 2,8 тысячи солдат и офицеров и более 16 тысяч сдались после отступления и бегства Карла XII в Турцию. Кроме собственно военных – этнических шведов, финнов и немцев, в плен попали их слуги различного ранга, жены и дети, маркитантки и служанки, сопровождавшие армию. Рассмотрим состав пленных, захваченных русской армией после Полтавской битвы²:

- офицеры – 953 чел.;
 - администраторы – 946 чел.;
 - солдаты, капралы, младшие офицеры – 12 892 чел.;
 - служители церкви – 32 чел.;
 - медицинский персонал – 60 чел.;
 - клерки – 61 чел.;
 - музыканты – 237 чел.;
 - прислуга – 541 чел.;
 - жены, дети, служанки, маркитантки – 1600 чел.
- (Всего – 17 322 чел.)

² Данные взяты из работы А. Оберга [Åberg, 1991, p. 33]. В данном случае интерес представляет не столько численность (есть мнение, что всего в русском плену побывало 30 тысяч человек, из которых лишь 60 % были собственно военными [Шебалдина, 2014, с. 30]), сколько контингент плененных и соотношение между различными категориями.

Несмотря на страшное поражение, многочисленная армия плен-ных оставалась серьезной угрозой для русских войск, превышавших их численно всего в два раза. Десять дней пленные были заняты захоронением павших – своих и русских, после этого их провели маршем через Полтаву [Åberg, 1991, р. 34]. Несмотря на испытанное унижение, шведы еще рассчитывали, что плен в России будет не очень тяжелым и, самое главное, коротким. К середине июля большинство офицеров перевели из Полтавы и расселили по городам Европейской части России. Что касается солдат, то их направили на тяжелые фортификационные работы. В течение осени 1709 г. около 20 тысяч пленников было отправлено в Москву. Некоторым для этого пришлось преодолеть пешком до тысячи километров, с каждым шагом удаляясь от родины. В Москве их снова объединили в одну колонну и провели по Красной площади перед жителями города и его гостями в дни празднования победы накануне Рождества, 21 декабря 1709 г. [Шебалдина, 2005, с. 31–32а].

Концентрация значительного числа военнопленных в Москве не только создавала неудобство, но и представляла определенную угрозу, поэтому после парада победы их снова стали распределять по городам европейской России. В Москве было позволено остаться только графу Пипину (Pipin) и музыкантам духового оркестра. Несмотря на царский указ, офицерский квартал шведских пленников продолжал существовать в столице до осени 1710 г.

В первой половине 1710 г. число шведских пленников продолжало увеличиваться за счет захваченных во время разведывательных походов русских на западных границах и капитуляции пограничных фортов в Нарве и Выборге [Åberg, 1991, р. 33–35]. Рядовых задействовали на тяжелых строительных работах, шахтах и рудниках. История строительства Санкт-Петербурга и летней резиденции Петра I Петергофа неразрывно связана с деятельностью шведских колонистов и военных. Согласно дневнику графа Пипера, в начале 1710 г. около 8 тысяч пленных из числа младших чинов и рядовых были направлены на верфь в районе Воронежа и на Дон, а спустя всего год в живых из них оставалось немногим больше тысячи. Та же участь ожидала и рядовых, направленных на завод по производству серы в Самаре. Тяжелый труд и плохое содержание были причиной высокой заболеваемости и смертности, а поражение в войне лишило бывших военных средств к существованию. Пипер считал, что причинами высокой смертности среди пленных были скудная пища, плохая одежда и условия содержания. Он обращался с жалобой в Сенат, особо указывая на бедственное положение женщин и детей. Русские власти отписывались тем, что в тех районах вообще была высокая смертность, пеняли на аналогично плохое обращение с русскими военнопленными в Швеции и по мере возможности старались симметрично отвечать на действия коллег-шведов.

Можно допустить, что шведы преувеличивали степень тяжести пребывания в плену в своих многочисленных письмах и дневниках.

С другой стороны, охранявшие их русские солдаты могли испытывать неприязнь к поверженным врагам-иноверцам, тем более что в Россию проникали слухи об ужасных условиях содержания русских солдат в шведском плену. При этом и шведские, и русские власти могли умышленно пойти на ужесточение режима содержания пленных в ответ на аналогичные действия другой стороны.

Генералитет и высшие армейские чины сначала были расквартированы при дворе, а позднее переведены в отдельный дом, предоставленный им Петром I. Первый походный министр короля Швеции граф Карл Пипер (Karl Piper) вместе с фельдмаршалом Карлом Густавом Рейншельдом (Carl Gustav Rehnskiöld), на которого, кстати, возлагали вину за поражение под Полтавой, встали во главе фельдкомиссариата, учрежденного в Москве для помощи военнопленным. Они также инициировали создание сети представительств в десяти основных центрах размещения военнопленных с тем, чтобы направлять деньги на их поддержку раз или два в год. Это было жизненно необходимо для более чем двух тысяч офицеров, содержание которых финансировалось из Швеции, в то время как обеспечение младших офицеров и рядовых в лагерях брала на себя российская сторона. Большая часть пленников могла рассчитывать только на милосердие и благотворительность друзей по несчастью, деньги, собиравшиеся для них в Швеции, и сочувствие российских граждан. Финансовое положение Швеции, находившейся в состоянии войны в течение нескольких лет при короле, оказавшемся за пределами страны, было тяжелым, поэтому и денежные поступления для пленников были, мягко говоря, недостаточными и нерегулярными. Тем не менее, лютеранские приходы занимались сбором денег на поддержку пленных офицеров по всей Швеции, и некоторые состоятельные люди, такие как граф и графиня Пиперы, порой оплачивали нужды пленных из своего кармана, несмотря на то, что шведское государство не всегда возмещало эти затраты [Åberg, 1991, p. 41–43].

В своих дневниках офицеры описали ужасы своего продвижения по стране, которую они пришли завоевать, и свою нищету. Согласно их записям, некоторые местные жители проявляли милосердие, другие старались выманить последние деньги у пленных в уплату за транспорт – лошадей и сани. Чем дальше они продвигались от Москвы, тем меньше возможностей оставалось на получение сведений о ситуации в Швеции, короле и армии. Обычно их размещали в общественных зданиях, а если их не хватало, то человек по шесть в домах местных жителей. Судя по тому, что ряд пленников был наказан за прорубание окон в стенах и врезание замков, у них имелся какой-то набор инструментов для этого, и они отчаянно пытались обустроить свою жизнь на европейский манер. Были также наказания и за связь с русскими женщинами, что допускает предположение об определенной свободе передвижения. В дневниках отмечаются и постоянные конфликты с местными жителями, поскольку

шведские офицеры требовали к себе отношения согласно их высокому рангу [Ibid., p. 56–58].

«Шведская»³ сибирская диаспора

Первые пленные шведы появились в Сибири уже в 1703 г., однако систематическая высылка на Урал и в Сибирь началась в 1710 г. [Зуев, с. 8; Шебалдина, 2005, с. 37]. Большие партии были направлены на уральские заводы. О численности этих колоний можно судить на основании того, что только в Алапаевском заводе в 1710 г. сложилось целое поселение пленных шведов – около 200 человек, которых духовно окормлял приехавший уже добровольно пастор. Пленные шведы были заняты на Туринском и Невьянском заводах. В Туринском заводе была даже заведена школа [Корепанов, с. 20]. Их содержание не требовало дополнительных затрат на охрану, офицерские чины пользовались достаточно большой свободой и активно участвовали в культурной жизни уральских городов. Их технические знания, навыки в медицине, музыкальные способности и ремесленное мастерство помогали устроиться на новом месте. С основанием Екатеринбурга в 1723 г. центр лютеранского прихода оказался на территории этого города-завода. Его ядро также составили шведские военнопленные, пожелавшие поступить на службу, и приглашенные немецкие горные мастера [Главацкая, 2015].

В 1711 г. началась массовая высылка шведских пленных дальше на восток страны, в Сибирь. Причинами тому были угроза их воссоединения с основными отрядами Карла XII в случае нападения Турции, опасность побегов при условии близости границ и недовольство жителей городов, в которых размещали шведов. Как бы то ни было, но летом 1711 г. группа из 800 пленных офицеров прибыла водным путем в столицу Сибирской губернии Тобольск. Вместе с женщинами и детьми они составили более тысячи человек, в основном среди них были этнические шведы, но были также немцы, финны и выходцы из Прибалтики [Åberg, 1991, p. 76]. Женщины и дети имели полное право вернуться в Швецию, однако многие приняли решение сопровождать пленников на восток. Военно-полевая жизнь была им привычна, давала средства для жизни, многие женщины состояли в тесных отношениях с военнопленными. Другой возможной причиной того, что женщины остались в России, были сложности с организацией и финансированием возвращения на родину. Их шведские мужья, если таковые имелись, власти Швеции и русская администрация не располагали средствами для этого и, возможно, не имели желания позаботиться о них [Thorvaldsen].

³ На основании имеющихся источников не всегда можно определить этническую принадлежность пленных, многие из которых, особенно оказавшиеся в Тобольске, были этническими немцами. Тем не менее, следуя за утвердившейся практикой, мы также будем называть их шведами в тех случаях, когда в документах нет четкого указания на этническую принадлежность пленных.

Несколько групп было направлено еще дальше вглубь Азиатской части страны – в Сургут, Томск, Енисейск, Иркутск и Якутск.

В центре нашего внимания – жизнь группы пленников, размещенных в Тобольске. Это была самая большая по численности и наиболее организованная партия пленных. Их особенность была в том, что это были офицеры рангом выше и значительно образованнее, чем в других городах, за исключением, пожалуй, Москвы. И наконец, уровень их жизни в плену также отличался в лучшую сторону. Они не только не были ограничены в передвижении по городам своего содержания, но и могли путешествовать на довольно большие расстояния [Шебалдина, 2005, с. 56]. Если их высылали из Тобольска еще дальше на север или восток азиатской части, то это было, как правило, наказание за нарушение закона, наиболее распространенным из которых было самогоноварение. Тобольские пленные шведы активно вели дневники – традиция довольно распространенная среди высшего офицерства шведской армии.

Условия жизни

Рядовые и младшие офицеры должны были обеспечивать себя трудом на тяжелых работах, что касается офицеров, то государство-победитель предоставляло им жилье. Все остальные нужды обеспечивались за счет шведской стороны их собственными усилиями. При этом в среде пленников очень скоро сложилась иерархия, основанная не столько на офицерских званиях, сколько на способности зарабатывать деньги благодаря имевшимся навыкам и мастерству. Те, кто не имели иных талантов, кроме командования войсками, вскоре оказывались на нижней ступени социальной иерархии. Те, кто были обучены ремеслам или смогли быстро перенять их от товарищей, очень скоро устроились совсем неплохо. Пленные зарабатывали окраской пряжи, плотницким ремеслом, изготовлением упряжи, кузнечными, камнерезными, гравировальными и ювелирными работами, шили перчатки и даже вязали [Åberg, 1991; Шебалдина, 2005; Шебалдина, 2014]. Другие активно включились в торговлю. Военная подготовка и опыт позволили некоторым офицерам использовать свои знания в области медицины и фармацевтики.

Самогоноварение также находило своих предпринимателей в тех случаях, когда легальный бизнес не приносил пленникам желаемых результатов. Обычным наказанием за производство алкоголя была высылка замешанных в нем офицеров из Тобольска. Частота применения этой меры могла свидетельствовать как о бедственном положении, так и о высокой степени доходности нелегального предпринимательства. Даже при получении установленного законом разрешения на производство алкоголя это занятие было сопряжено с риском. Согласно челобитной на имя царя, поданной коменданту Тюмени

полковнику Воронецкому 8 августа 1716 г., два пленных шведских прапорщика Гаврило Люн и Лярс Галборий получили откуп на продажу вина и пива в Кармацком погосте. В октябре 1715 г. трое беглых русских солдат, беглый ямщик из Тобольска и житель Кармацкого погоста ворвались к ним с требованием выпивки. Получив отказ, они изрубили топорами окна и двери, «били и увечили» шведов «смертными боями» и грозили их сжечь. В конце концов грабители забрали у предпринимателей имущество и продукцию на сумму шесть рублей и сбежали, так что доходный бизнес был сопряжен с реальной опасностью. По приказу губернатора Сибири М. П. Гагарина нападавших следовало разыскать и привезти в Тобольск для разбирательства [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 8–9]. Документов, свидетельствующих о результатах розыска, в архиве, к сожалению, не сохранилось.

Пребывание в Тобольске выгодно отличалось благодаря заступничеству и материальной помощи губернатора Сибири князя М. П. Гагарина, «спасшего жизни многих сотен военнопленных» [Шебалдина, 2005, с. 97–110]. Помимо информации, содержащейся в письмах самих шведов, сохранилось и наблюдение Джона Белла, дважды посетившего Тобольск в период пребывания там пленников и оставившего неожиданно благоприятное описание самого города и действий князя [Bell]. Поэтому высылка из столичного города была жестоким поворотом в судьбе офицера. Новые места размещения, как правило, резко отличались от Тобольска с его многочисленной колонией и налаженной инфраструктурой. В Тюмени, например, присланных в 1713 г. из Тобольска пленных размещали в домах служилых людей и казаков, причем как русских, так и татар-бухарцев. Позднее в 1720 г. был составлен список всех присланных шведов с указанием имен, званий и сведений о дальнейшей судьбе. К сожалению, сохранился только фрагмент документа, но и благодаря ему можно составить определенное представление о тюменской колонии пленных шведов (табл.).

Таблица 1

Список пленных шведов, присланных в Тюмень из Тобольска в 1713 г.⁴

№	Имя	Звание	Место пленения	Состояние на 1720 г.	Сопровождающие
1	Пилрок, Эрик	драбант	Полтава	жив	–
2	Апелгелм, Юнас	ротмистр	Днепр(?)	умер	хлопец Екертом, Яган
3	Валлас, Густав	ротмистр	Днепр	жив	хлопец Бринз, Данцель
4	Рот, Нилс	ротмистр	Днепр	жив	хлопец [имя неразборчиво]

⁴ Таблица составлена по: [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 41–42 об]. Здесь и далее написания имен воспроизведены по источнику.

Окончание таблицы

№	Имя	Звание	Место пленения	Состояние на 1720 г.	Сопровождающие
5	Мирман, Ирик	ротмистр	Полтава	жив, взял службу	–
6	Боман, Магнус	ротмистр	Днепр	умер в 1720	–
7	Гиген, Отто Густав	ротмистр	Полтава	не приехал из Тобольска	–
8	Спангенберг, Отто Фридрих	ротмистр	Левенгольдская баталия под Лесней	умер в 1717	–
9	Варкрон, Яган	ротмистр	Днепр	умер в 1717	хлопец Уловсон, Андерс
10	Алберх, Яков	ротмистр	Днепр	умер в 1715	–
11	Сверт Фелис, Адам Яган	ротмистр	под Лесней	умер в 1718	–
12	Борх, Петер	ротмистр	Днепр	умер в 1718	–
13	Броммер, Отто Густав	ротмистр	Днепр	умер в 1713 (?) в Тобольске	–
14	Сюдорман, Яган	ротмистр	Днепр	умер	–
15	Сконинг, Нилс	прапорщик	В Турецкой стороне в местечке Черновец	жив	–
16	Гумле, Исак	прапорщик	Днепр	жив	–
17	Орн, Габриель	прапорщик	В Турецкой стороне в местечке Черновец	жив	–
18	Финилиус, Ирик	прапорщик	Левенгольдская баталия	жив	–
19	Гек, Самоил	прапорщик	Полтава	жив	
20	Клоусен, Никлас	прапорщик	Полтава	жив	
21	Палм, Андрес	прапорщик	Полтава	жив	

Самым высокопоставленным пленником был драбант Ерик Пилрок, плененный под Полтавой. Следующими в списке были 13 ротмистров, захваченных в 1708–1709 гг. «под Днепром», в Полтавской битве и в «Левенгольдской баталии под Лесней». Четыре ротмистра прибыли вместе с «хлопцами». При этом к 1720 г. девять (а возможно, и все десять, поскольку один так и не прибыл из Тобольска)

из 13 ротмистров уже были мертвы [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 41—42 об.].

У нас нет сведений о том, как оценивали условия своего размещения на новом месте шведы, что касается жителей Тюмени, то присутствие незваных европейских гостей обременяло их чрезвычайно. В прошении, поданном на имя Петра I, они сообщали, что «шведские полоняники», присланные из Тобольска и размещенные в их домах, жили «нечинно». «Теснят нас рабов твоих всячески и жен, и детей наших бесчестят... всякими скверными словами и блудным воровством», – жаловались тюменцы царю. Особенно их беспокоило то, что, уезжая по службе, они вынуждены были оставлять жен и детей в своих домах вместе со шведами. Тюменцы были готовы на свои деньги выстроить шведским пленникам казармы, чтобы избавиться «от их шведского утеснения и бесчестья» [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп.1. Д. 3146. Л. 11—12 об.] В ответ на просьбу пришел приказ в 1716 г. построить шведским пленникам квартиры, деньги на строительный материал следовало взять из казны, а к работе привлечь крестьян в счет уплаты податей [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп.1. Д. 3146. Л. 11—12 об., 13 об.]. Однако указ этот, вероятно, так и не был выполнен. Согласно отчету, составленному по запросу из Тобольска, о том, где живут и чем обеспечивают свое пропитание шведские пленные в Тюмени, комендант Ларион Воронцов сообщал, что в 1719 г. пленные шведы все еще жили «по квартирам у тюменских всяких чинов людей». Жили они за счет ремесла и жалования, присланного из Швеции, кроме того, многим присылали деньги родственники [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 41—41 об.].

Но была от шведов и реальная польза. Среди документов Тобольского архива сохранилась справка о медицинском осмотре больного тюменского солдата Дмитрия Мальцова, который был произведен шведским пленным полковым лекарем Яковом Шульцем по приказу тюменского коменданта полковника И. В. Воронцового. Медиком был поставлен жестокий диагноз – «французская скорбь» (сифилис. – Е. Г.), которая распространилась «в голове и в костях» солдата. Доктор Шульц рекомендовал освободить солдата Мальцова от службы по состоянию здоровья [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 10]. Вероятно, доктор пользовался доброй славой среди соотечественников, и к нему на прием стремились попасть офицеры, размещенные в других городах. Так, в 1714 г. лейтенант Я. Мек просил отпустить его из Верхотурья в Тюмень для лечения [Шебалдина, 2005, с. 56].

Насколько регулярно привлекался доктор Шульц, неизвестно, но есть сведения о том, что на русскую службу в 1718 г. поступили пленные шведские поручики из числа размещенных в Тюмени – Нилс Кост, Юган Роткилх Барк Ман, Юган Бихнер, Морис Шнеп. По указу губернатора Сибири князя М. П. Гагарина им следовало ежемесячное жалование по два с половиной рубля, а также провиант – около 60 килограммов («по полусема четверика») ржаной муки и овса на человека [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 30].

Многочисленная – около тысячи человек, тобольская колония пленных офицеров, их жен, детей и слуг постаралась, насколько это было возможно, создать привычный культурный ландшафт и комфортный образ жизни. Прежде всего была налажена религиозная жизнь офицеров-лютеран. Находясь в православной столице Сибири, шведы старались сохранить свою религиозную традицию. Первые два года привычные к полевым условиям военные проводили службу прямо под открытым небом, вероятно, все-таки надеясь, что они не-

1. Густав Сёдерстрём. Причастие в шведских войсках. XIX в.

надолго задержатся в Сибири (ил. 1). Установив контакты с центром pietистов в немецком городе Галле (Halle), узники вскоре по приезду в Тобольск получили оттуда Библии и сборники псалмов в таком количестве, что смогли отправить излишки в другие сибирские города. В 1713 г. по инициативе лейтенанта-полковника Брора Роламба (Brog Rolamb) они построили церковь на средства, присланные в качестве пожертвований, и на собственные сбережения. Это была единственная церковь, построенная пленниками для своих нужд. Конгрегация немцев-лютеран существовала в Москве, лютеранская община этнических шведов и финнов была в Санкт-Петербурге. Лютеране Томска арендовали помещение для проведения служб, а община Соликамска в лучших евангельских традициях переоборудовала под эти цели стойло [Åberg, 1999, p. 66–67, 110].

Тобольская лютеранская церковь начала действовать уже в ноябре, хотя полностью строительство было завершено лишь через год. Здание церкви, рассчитанное на тысячу прихожан, стало центром общественной жизни пленных. Что касается их религиозности, то о ней свидетельствовало стремление верующих занять места поближе к алтарю [Ibid., p. 69]. Тобольская колония пленных офицеров, в отличие от многотысячных групп рядовых, посланных на строительство, не испытывала недостатка в священниках. Почти четверть (около 15) из 60 захваченных в плен капелланов оказалась в Тобольске. Они без труда наладили религиозную дисциплину в колонии, активно вовлекали братьев по несчастью в обсуждение религиозных вопросов. В Тобольске были созданы полевая консистория для решения гражданских вопросов, связанных с церковью, и совет по религиозным делам, состоявший из пастора и четырех офицеров. Когда здание церкви со всей утварью сгорело в тобольском пожаре 1715 г. вместе с еще тысячей городских зданий и архивом, колония пленных снова его отстроила [Åberg, 1991]. Практика ведения церковных книг не применялась в армии, пасторы только составляли списки причастившихся и умерших. Тобольскому пастору пришлось также регистрировать браки, заключававшиеся в колонии, проводить обряды крещения и конфирмации.

Согласно свидетельству анонимного автора из числа пленных, большинство шведов, оказавшихся в Тобольске, считало, что плен был наказанием свыше за их грехи [Der allerneueste Staat... S. 197]. В лютеранской традиции акцент делается на проповедь и чтение текстов Священного Писания. Любопытно, что из 48 текстов Библии, избранных в 1712 г. тобольскими пасторами для чтения перед паствой во время богослужения, только пять относились к Новому Завету! По свидетельству ротмистра Леонарда Кагга, две трети читаемых текстов, в том числе и на похоронах, были ветхозаветными [Åberg, 1991, p. 113]. Попавшие в плен пасторы явно акцентировали идею общности судеб древних иудеев, испытавших ужасы Вавилонского плена за свои грехи, и шведов, попавших на долгие годы в Сибирь. В контексте этой аналогии неизбежно рождалась надежда на прощение и возвращение на родину, а лютеранская этика подсказывала путь – упорная работа, вера и нравственное совершенствование.

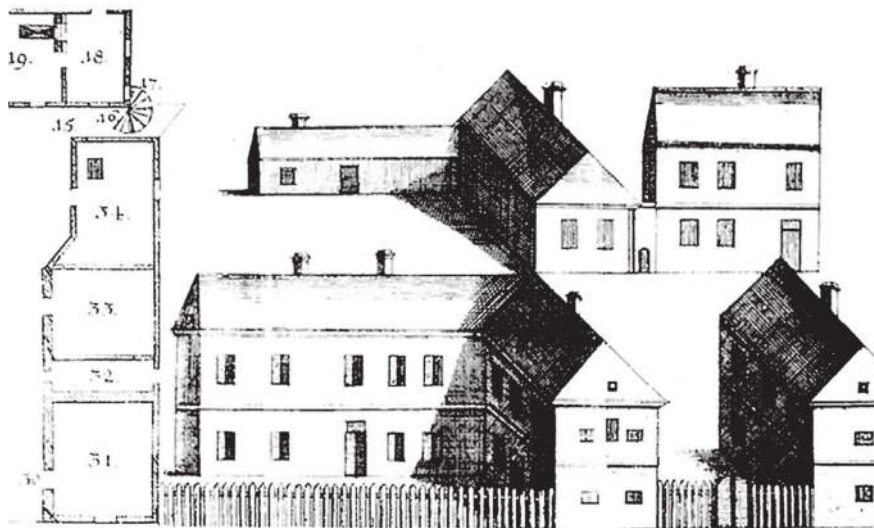
Поэтому неудивительно, что тобольская колония была невероятно активна, а религиозные собрания были так популярны в среде узников. Началось все с того, что в преддверии Рождества 1712 г. несколько офицеров стали встречаться по три раза в неделю для чтения и обсуждения религиозных текстов и проповедей, присылаемых из Галле профессором теологии основателем пиетизма Августом Германом Франке. Позднее эти тексты были переведены на шведский язык и вывезены пленными при возвращении на родину в 1721 г.

Пиетизм, возникнув в Германии, первоначально призывал лишь к более личной религиозности в пределах официальной церкви.

Позднее деятелями пиетизма была обозначена основная цель – создание межконфессионального международного христианского братства. Организационным центром пиетизма стал университет в Галле, где была принята специальная программа религиозного обучения и учрежден институт по изучению и евангельскому просвещению восточных народов. При этом России уделялось особое внимание. Влияние пиетизма в богословских академиях России в начале XVIII в. постоянно возрастало, идеи новой неформализованной религиозности особенно популярны оказывались на территориях, смешанных в конфессиональном отношении, – в Белоруссии и Малороссии. Пиетизм стал первым международным миссионерским движением протестантизма, утвердившим евангелическое просвещение «язычников» в качестве первейшей обязанности церкви независимо от поддержки государства [Биллингтон, с. 335].

Число желающих принять участие в этих религиозных сессиях в Тобольске все росло, а обсуждения начали принимать все более взрывоопасный характер. Пришлось отменить встречи, но вскоре практика была восстановлена: несколько небольших групп стали собираться отдельно [Der allerneueste Staat... S. 200]. Такие частные собрания без назначенного священника как нельзя лучше соответствовали установке пиетизма на личную глубокую беззаветную религиозность, а не на формально организованное богослужение.

Проведение частных собраний при избытке пасторов естественно вызвало сомнение в правильности такой практики, однако она была одобрена фельд-комиссариатом в Москве на том условии, что встречи не будут восприниматься как замена официальному воскресному богослужению [Ibid., S. 204–205]. Пиетисты были активны и в столице страны, их форма глубокой внутренней религиозности соответствовала настроениям и чувствам большинства пленных. Графы Пипер и Левенгаупт (Lewenhaupt) сами были пиетистами и безусловно повлияли на распространение этого направления среди узников. Капитан драгун, основатель школы в Тобольске, о которой пойдет речь ниже, Курт фон Врех был привлечен к этой форме протестантизма ни кем иным, как графом Страленбергом [Åberg, 1999, p. 73]. Пиетисты пытались установить строгий контроль над жизнью и нравственной атмосферой в общине. Тех, кто отказывался соблюдать требования, наказывали, лишая возможности причаститься. К причастию святыми дарами не допускали за игру в карты или участие в комедийных театральных постановках на темы, далекие от сюжетов Священного Писания. О том, насколько глубоко пиетизм был воспринят тобольскими колонистами, свидетельствует история, произошедшая с одним из учащихся тобольской школы пиетистов, который глубоко расстроился, получив известие о заключении мирного договора между Россией и Швецией и скором возвращении на родину, что противоречило его плану достижения высшего уровня духовного просвещения.

2. Школа в Тобольске, построенная шведами
(School in Tobolsk by the Swedish prisoners of war) [Åberg, 1991]

Школа, созданная по инициативе родителей из числа пленников и капитаном-драгуном немецкого происхождения Куртом фон Врехом, стала важным элементом культурного ландшафта шведских военнопленных в Сибири и источником распространения европейских ценностей (ил. 2). Обучение было построено в соответствии со школьным законом, разработанным пиетистами Университета в Галле, в котором содержались жесткие требования к ученикам и учителям [Der allerneueste Staat... S. 219–221]. За исключением второй половины дня в среду и субботу, занятия и службы длились с восьми утра до семи часов вечера. День начинался и заканчивался чтением религиозных текстов, их также читали во время еды. В школе преподавали чтение, письмо, арифметику, географию и языки, включая латынь, немецкий и французский, рисование, пение и основы ремесел. Однако религия являлась важнейшей частью учебной программы [Ibid., S. 205].

Интерес к обучению в шведской школе проявили и россияне, и не только дети. В 1715 г. школа переехала в специальное четырехкомнатное помещение, купленное за 45 рублей родителями учеников [Ibid.]. В мае здание сгорело, и было решено купить новое за пределами города и переправить его по реке. В самом начале обучение проходили девять шведских мальчиков и девять девочек, кроме того, было еще пять иностранцев и двое слуг. В 1716 г. число учеников возросло до 59 человек [Åberg, 1978, S. 259], и они показали гораздо лучший результат во время публичного экзамена после практически скандальной ситуации во время аналогичного опроса в предшествующий год, когда учащиеся не смогли выдержать испытание [Der allerneueste Staat... S. 205]. В 1717 г. в школе числилось уже 63 ученика, включая троих

детей, отправленных с Урала, и монгольского мальчика, которого в школу послал шведский генерал-адъютант с Енисея. Штат преподавателей состоял из двух учителей Закона Божьего, трех, преподававших чтение, письмо и арифметику, и двух учителей латыни. Все предметы преподавались офицерами. При школе состояли гувернантка для девочек, домохозяйка и пять слуг. В случае необходимости помощь оказывали добровольцы и офицерские жены [Ibid., S. 213].

Являясь одним из пяти учебных учреждений, основанных пиетистами в России, тобольская школа должна была готовить штат для миссионерской деятельности среди аборигенов. По всей видимости, Петр I был знаком с работой школы и даже обещал свою поддержку ее организаторам. Таким образом, в Северо-Западной Сибири была фактически разрешена деятельность миссионеров-пиетистов, развертыванию которой помешали лишь заключенный вскоре мир и возвращение большинства ссыльных пленных шведов, в том числе и основателя школы Курта фон Вреха, домой [Главацкая, 2005, с. 232–233].

Помимо школы и церкви, шведы построили баню для нужд колонии и госпиталь после эпидемии цинги, разразившейся в 1717 г. [Der allerneueste Staat, 1725, S. 230].

«Шведская» семья и брак в сибирской ссылке

Учитывая половозрастной состав шведской диаспоры в Сибири, надо признать, что перспектива женитьбы на шведке у пленных была маловероятна. В Тобольске за все годы существования колонии с 1710 по 1721 г. пастор провел всего 36 венчаний. При этом восемь невест вступили в новый брак, будучи вдовами. По сообщению пленных, едва овдовев, женщины почти сразу переселялись в дома своих будущих мужей, и не более чем через год вдовства (срок, необходимый для соблюдения элементарных приличий) они регистрировали отношения в церкви. Например, у одной пары ребенок родился спустя год после смерти прежнего мужа и через три дня после брака с новым [Åberg, 1999, S. 144].

Женщинам, оказавшимся в плену, приходилось особенно тяжело. Их судьбы, к сожалению, редко отражались в источниках, тем ценнее история Луизы фон Бургхаузен (Lovisa von Burghausen), которая четырехлетней девочкой попала в плен под Нарвой в 1704 г. Едва достигнув 14 лет, Луиза была выдана замуж за шведа, поступившего на русскую службу. Когда спустя всего два года он погиб, молодая женщина оказалась без средств к существованию, была продана и отправлена в Тобольск. Здесь она, к счастью, нашла поддержку крепкой тобольской колонии пленных, которые не только помогли женщине избавиться от власти деспотичного хозяина, но и нашли ее родителей и отправили к ним в Соликамск. Там Луиза вновь вышла замуж за полкового священника старше ее на 30 лет. Вместе они вернулись в Швецию после подписа-

ния Ништадского договора, но жизнь Луизы была недолгой, она умерла в возрасте 35 лет [Ibid, S. 20–29]. Многие пленные офицеры находили возможность вступать в свободные отношения с русскими женщинами, за что их периодически наказывали [Pihlström, S. 42].

Официальный статус лютеранской церкви в России не отменял попыток склонить пленных принять православие. Такой шаг давал освобождение, материальное вознаграждение и возможность женитьбы на русских женщинах. Так, капитан Дриандер (Dryander) крестился в православие и сразу вступил в брак с девицей Марией Молоковой. Однако немногие решались на смену вероисповедания даже ради создания семьи, поскольку государством допускались религиозно смешанные семьи, при этом жены иноверцев и родившиеся в браке дети должны были оставаться в православной церкви. Чем мог окончиться такой союз, видно из истории офицера Эншильта (Enschylt), вступившего в брак с русской женщиной без перехода в православие. После заключения мира он вернулся в Швецию вместе с однополчанами, навсегда оставив жену и детей в Сибири [Pihlström, S. 82, 88]. И это был, к сожалению, не единственный случай принесения семьи в жертву конфессии. Большинство шведских мужей оставляли своих русских жен и уезжали на родину, где создавали новые семьи с соотечественницами. Тем интереснее выглядит каждое исключение. Так, в мемуарах Фридриха Берхгольца сообщалось о молодом гвардейском прапорщике по фамилии Тернер, который женился в плену и в нарушение царского указа с помощью покровителей (тайного советника Бассевича и князя Меншикова) смог вернуться в Швецию вместе с православной женой и дочкой [Шебалдина, 2014, с. 54]. Помимо желания жениться, православие могли принять в надежде избежать наказания.

Переход в православие вызывал осуждение офицеров-лютеран и воспринимался как отступничество, о чем свидетельствуют записи в дневниках. Даже после десяти лет в плену, когда надежда на возвращение почти угасла, лейтенант Лют с презрением писал о двух священниках, принявших «ложное учение русских» и поступивших на русскую службу. Можно предположить, что оба священника посчитали себя свободными от обязательств перед королем, весть о смерти которого достигла Тобольска в марте 1719 г. [Kagg, Lewenhaupt, S. 260]. Во всяком случае, оба крестились и поступили на русскую службу вскоре после получения этого известия. Сам лейтенант Лют, искренне оплакивая смерть короля и свою горькую участь, тоже смутно представлял, на что теперь рассчитывать [Karolinska krigares dagböcker, S. 90].

Неприязнь к иной конфессии проявлялась в разных вариантах и, как правило, была взаимной. По сообщению анонимного автора, когда родителям одного из тобольских высокородных учеников, обучавшихся в шведской школе, стало известно, что он увлекся религиозными идеями пиетистов, они пригрозили забрать его из школы

[Der allerneueste Staat... S. 217]. В совершенно невинном на первый взгляд высказывании, записанном организатором школы Куртом фон Врехом, отражена суть отношения pietистов к православию: «...и тут пришел один русский с другом-христианином. Это был шведский капитан из числа пленных» [Wreech, S. 527]. Даже привилегии, получаемые вместе с крещением в православной церкви, не могли соблазнить большинство шведов. К неприязни, возможно, добавлялся и суеверный страх, поскольку среди перешедших в православие шведов были известны два случая помешательства [Kagg, Lewenhaupt, S. 247, 251]. Одним из них был, вероятно, пастор Йоганн Брунерус (Johan Brunerus), который перекрестился в православии в Томске в 1718 г., лишился рассудка и был заперт в монастыре [Åberg, 1991, S. 117].

И все-таки были офицеры-лютеране, которых впечатляли пышность ритуала и церемоний православной церкви, как и экзотические религии аборигенного населения. В дневниках шведов остались яркие описания колоритных церковных праздников и крестных ходов в главном городе Сибирской епархии. Есть в них и детальное описание многокилометровой процессии верующих с иконой Божьей Матери из Абалакского монастыря в кафедральный собор Тобольска [Kagg, Lewenhaupt, S. 227]. Секунд-лейтенант Андерш Пильстрём был более заинтригован бытом и традициями многочисленных аборигенных народов Азиатской части России. В 1714 г. его в составе группы из 170 пленных отправили из Тобольска в Томск. Спускаясь по Иртышу к Оби, суда с пленниками приставали к берегу у русских и татарских селений. Через неделю плавания они причалили к «убоному», по словам Пильстрёма, «маленькому» селению Демьянское, расположенному в «бесплодных землях, где никакие культурные растения не вырастают». В этом селе тобольская партия встретила с земляками – тридцатью офицерами Выборгского гарнизона. Спустя еще неделю плавания команда достигла Самарова (современный Ханты-Мансийск), где они снова встретили семь-восемь земляков, сосланных за незаконное самогоноварение, в том числе констебля Кнупа и его жену. В безветренные дни судно тянули на канатах вдоль берега, а в мелководных местах передвигались, отталкиваясь от дна шестью. В помощь пленным были наняты 15 работников. Вдоль берегов Оби и ее многочисленных притоков жили остяки (*устар.* ханты), основным занятием которых были охота и рыболовство. Частично подвергшиеся христианизации, они не оставили еще полностью своих шаманских верований, которые особенно интересовали Пильстрёма. В местах, вдоль которых проходил путь, было множество диких гусей. Их ловили голыми руками или с помощью охотничьих собак. Движение проходило медленно, и только через месяц суда с пленными достигли Сургута. Это, по отзыву Пильстрёма, был маленький город со следами недавнего пожара, с двумя церквями, место скудное, бесплодное и очень дорогое. Рядом не было ни деревень, ни пашни,

а население существовало за счет рыболовства и торговли. И в этом Богом забытом месте шведы также встретили двух соплеменников, сосланных за самогоноварение.

Поднимаясь далее по Оби к Томску, они встречали поселения остяков, которые охотились на зверей ценных пушных пород. Иногда движение останавливалось из-за отсутствия ветра или из-за споров, возникавших между нанятыми работниками. Через две недели пути из Сургута в Томск пленники начали встречать бедные поселения остяков, которые продавали осетров в огромном количестве и очень дешево. Эта группа все еще не была крещена и вызвала большой интерес Пильстрёма, поскольку напомнила ему аборигенов севера Швеции саамов. Согласно его наблюдению, «остяки вели кочевой образ жизни: летом жили вдоль реки в простых рыбацких жилищах, где не было ни стола, ни скамьи, а только большой котел и черпак. Зимой они переселялись в лес, где жили в бревенчатых домах. Одежда женщин, украшенная бисером, напоминала одежду женщин саамов. Как и саамы, они украшали косы изделиями из олова. Когда кто-то из них умирал, тело заворачивали и укладывали в колоду, выдолбленную из дерева, накрывали крышкой и хоронили в лесу. В могилу клали лук, несколько стрел, копье, котел и другую посуду. Остяки верили, что каждый человек имеет душу». Когда шведы попытались узнать, что происходит с душой после смерти, остяки ответили: «...если человек был растерзан зверями на охоте или был убит, то душа направляется прямо к богу. А если человек умер своей смертью, дома, то душа уходит в землю». Больше никаких сведений о представлениях остяков о душе шведам добиться не удалось. Однажды команда пленников остановилась на день в Нарыме. Это был город еще меньше Сургута, с одной церковью, но с более симпатичными домами. Комендант Яков Ирцовский пригласил многих офицеров к себе на ужин. Качество блюд, поданных гостям, было высоко оценено Пильстрёмом [Åberg, 1991, S. 98] (перевод наш. – Е. Г.).

Спустя почти восемь лет Пильстрём проделал обратный путь из Томска по тем же местам. Статус свободного человека и обретенная надежда на скорое возвращение на родину, вероятно, повлияли на его восприятие сибирской действительности, если только жизнь за это время не изменилась к лучшему. Команда шведов поднялась на палубу судна 24 июня 1722 г. Комендант Томска с супругой и еще несколькими дамами пожелали проводить отъезжавших, совершив вместе с ними круиз. В Сургуте шведов также приветствовал комендант, принесший на палубу угощение – водку и пиво. По воспоминаниям Пильстрёма, они устроили концерт и оставались в Сургуте до темноты. Продвижение вниз по течению шло значительно быстрее, при хорошем ветре корабль проходил по сто километров за день. К концу июля томские пленники прибыли в Тобольск, где их уже ожидал посланник с подъемными деньгами, присланными из Швеции. К этому времени жившие в городе шведы уже выехали, и Тобольск

снова стал почти исключительно русским городом. Одним из последних город покинул Ханс Аппельман (Hans Appleman), ушедший на войну в 1700 г. и вернувшийся только в 1745 г. Кстати, примерно половину этого срока его жену записывали вдовой в приходских метрических книгах [Larsson]. Проезжая через Урал, Пильстрём записал в дневнике, что манси, чьи религиозные традиции он описал в 1711 г., с тех пор были уже крещены. Помимо религии, офицер живо интересовался семейными отношениями и демографией народов Урала и Сибири [Pihlström, S. 43, 50, 53, 66–68, 50, 91–92].

Другой пример участия пленных офицеров в описании народов Сибири – работа Йоханна Бернарда Мюллера. Капитан драгун шведской армии, плененный и сосланный в Тобольск, был принят митрополитом Тобольским и Сибирским Филофеем (Лецинским) в состав экспедиции, занимавшейся крещением хантов и манси. На основе личных впечатлений, литературных материалов и расспросов участников событий капитан подготовил описание обычаев хантов и истории их крещения в 1712 г., в котором сам принял участие. В декабре 1716 г. Й. Мюллер отослал свой труд царице Екатерине I, известной своим заступничеством за пленников. Судьба была благосклонна к капитану, и его работа была опубликована в Берлине уже в 1720 г. [Müller, 1720]. Позднее она вышла приложением к немецкому и английскому изданиям [Muller, 1722–1723] и частично приведена во французском варианте книги Ф. Вебера. Именно эта работа стала основным источником информации о народах Северо-Западной Сибири в Европе. В предисловии к английскому изданию Йоханн Мюллер дал краткую характеристику обстоятельств своей жизни в Сибири – «месте назначения несчастных пленников и тюрьме несчастных ссыльных, где сырой климат и суровый холод убивают воображение и притупляют умственные способности». Самого себя он назвал пленником, солдатом, «у которого нет компании, кроме его собственных меланхолических мыслей, который страшится восхода солнца как начала голодного и полного печалей дня и трепещет при наступлении ночи, которую он должен провести без отдыха, на жесткой, неудобной кровати; его деньги утеряны вместе со свободой, его хозяйство – нужда, а пища – горькие заботы». И все же Йоханн Мюллер обращался к своим читателям с просьбой «оставить предубеждения», поскольку в Сибири «так много диковинного» [Muller, 1722–1723, S. 41]. Согласно утверждению автора, большую часть сведений о народах Сибири он собрал самостоятельно: «судьба распорядилась так, что моя страстная мечта увидеть разные страны, которую я лелеял с самых ранних лет, осуществилась во время моего заключения, хотя и в манере весьма отличной от моих юношеских сладостных фантазий... Я оказался в такой милости у митрополита Сибирского... что он включил меня в состав свиты, когда мы отправились обращать этих бедных людей (остяков. – Е. Г.) в христианство. Большая часть следующего отчета состоит из моих собственных наблюдений, сделанных в этом

длинном путешествии, остальное я узнал от людей, на чью искренность, как меня убедили, я мог положиться» [Muller, 1720, S. 40–42] (перевод наш. – Е. Г.). К сожалению, оригинальность работы Йоханна Мюллера неоднократно оспаривалась отечественными исследователями. Это предисловие к английскому изданию его описания народа ханты и невероятная популярность регулярного ведения наблюдений и дневников в среде офицеров Тобольской колонии являются дополнительными аргументами в защиту авторства Йоханна Мюллера.

Уже цитированная выше работа анонимного автора-немца также стала важным источником по религиозным традициям восточной группы хантов. Судя по уникальной информации, содержащейся в ней, и манере изложения материала от первого лица, можно с уверенностью говорить о том, что автор лично наблюдал описываемые им явления в начале XVIII в. Он также был знаком с имеющейся литературой о народах Сибири, имел возможность прочесть письма пленных шведов из Сибири и цитировать их.

Пиетист К. фон Врех принял активное участие в этнографическом изучении народов Сибири. В книге, написанной в форме дневника, приведены интересные сведения, собранные не только автором, но и по его просьбе другими шведами, находившимися в Сибири. Многие из писем, присланных К. фон Вреху и включенных им в текст книги, содержат интересные сведения о религиозных традициях восточной группы хантов, шаманизме, ритуальной практике. В частности, именно в одном из писем, присланных К. фон Вреху Филиппом Иоганном Таббертом (Страленбергом), содержалось первое упоминание о применении хантами бубна во время шаманских сеансов [Wreech, S. 181–186].

Ф. фон Страленберг за свои десять сибирских лет (1711–1722) собрал обширный материал по географии и этнографии Сибири. Это был результат личной исследовательской деятельности, а также сведения, полученные от жителей Тобольска, в том числе и от С. У. Ремезова. В связи с заключением мира Ф. фон Страленберг был отправлен из Красноярска на родину. Во время этого путешествия, которое проходило через земли, населенные хантами, он продолжал вести дневник. В нем он записал уникальные наблюдения о религиозных традициях хантов Сургутского уезда [см.: Stralenberg].

После заключения мирного договора Петр I предложил всем желающим пленным поступить на российскую службу, однако таких было немного [Pihlström, S. 86]. Определить их число довольно сложно, поскольку пленные пытались скрыть факт своей службы, чтобы избежать наказания после возвращения на Родину. Страленберг, например, вообще предпочел не упоминать о факте своего участия в экспедиции Мессершмидта, организованной и финансировавшийся российскими властями, в составе которой он посетил Томск, Нарым, Абакан, Красноярск и Енисейск [Krueger]. После заключения Ништадтского мира Страленберг вернулся в Швецию, где в 1723 г. получил чин подполковника.

Тобольская колония pietистов прекратила свое существование, но проникшиеся идеей евангелизации Сибири бывшие пленные шведы остались и продолжили свое христианское служение так, как они его понимали. Как минимум двое из них, Карп Андреев и Кирилл Берх (оба приняли православие), активно занимались христианизацией аборигенного населения Тобольской губернии. Их поставили в качестве надзирателей за новокрещеными манси и хантами, и они, вероятно, ревностно выполняли возложенную на них миссию. Быть может, власти Сибири рассчитывали на особое усердие шведов, имея в виду то, что именно им удалось окрестить «язычников» Лапландии саамов. В 1742 г. подведомственные Карпу Андрееву новокрещенные ханты жаловались, что он «по охоте своей, а паче для корысти ездит... для сыску у них в непостоянстве их шайтанов, которых они... по восприятии христианской веры... оставили... и имеют у себя Божии образа» [Главацкая, 2005, с. 248]. Возможно, это были именно те два священника, принятие православия которыми вызвало неприязнь лейтенанта Люта в 1719 г.

Полтавская битва была одной из последних в серии попыток Швеции захватить территории, которые постепенно становились частью России. Для российской стороны прекращение этих атак являлось важнейшей стратегической задачей в ходе Северной войны.

Решение шведского генералитета прекратить сопротивление и сдаться определило судьбу огромной армии Карла XII. Первоначально у русских властей не было намерения отправлять пленников из Европейской части страны в Сибирь. Однако угроза нападения Турции заставила вывести отряды пленных шведов, размещенных в южных и пограничных городах. Недовольство местных жителей, на плечи которых легли заботы о расселении и снабжении пленных, многие из которых предъявляли требования к условиям своего содержания соответственно рангу, и попытки организации побегов вынудили власти выслать их из западных и центральных городов страны. Наиболее надежным и безопасным во всех отношениях местом содержания пленных оказались Урал и Сибирь, куда их отправляли многочисленными партиями. Таким образом, в России сложилась сеть шведских колоний-поселений, большинство которых было сосредоточено в трех основных регионах: центр, Поволжье, Урал – Западная Сибирь (см. карту «Размещение пленных шведов на территории России в начале XVIII в.»).

Коммуникация была установлена не только внутри этой сети между колониями, но и с внешними организациями в Москве, Швеции и даже Германии, что позволяло обмениваться информацией, передавать финансовые средства, решать практические вопросы. При плохой организации и недостатке снабжения офицеров огромную роль приобрели их практические навыки и предприимчивость.

В окружении чуждой, а порой и враждебной культуры колонии старались по возможности воспроизвести черты привычного образа жизни, создать жизненно важные элементы традиционного культур-

ного ландшафта. В наибольшей степени это удалось тобольской колонии, которая имела постоянно действующую лютеранскую церковь, школу, баню, госпиталь, отмечала традиционные праздники, занималась предпринимательством и исследовательской деятельностью.

В условиях плена религия стала ядром, вокруг которого концентрировалась жизнь колонии, она позволяла принять существующую реальность и сохранить идентичность. Находясь в плену, многие офицеры не только сами активно получали религиозное образование, но и приняли участие в христианизации народов Сибири. Великая цель придавала их пребыванию в Сибири глубокий библейский смысл, даровала возможность преодолеть тяготы плена и ссылки и надежду на возвращение.

Список литературы

Биллингтон Д.Х. Икона и топор : Опыт истолкования истории русской культуры. М. : Рудомино, 2001. 880 с.

Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов : XVII–XX вв. Екатеринбург ; Салехард : РА АРТмедиа, 2005. 360 с.

Главацкая Е. М. Лютеране Среднего Урала в XVIII – второй половине XIX в.: институты, расселение, численность // Изв. Урал. ун-та. 2015. Сер. 2. Гуманитар. науки. № 2. С. 112–119.

Главацкая Е. М. А был ли выбор? : Аргументы против теории ненасильственного крещения хантов и манси в 1712–1715 гг. // Уральский сборник : История. Культура. Религия. Вып. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 82–103.

Зуев А. И. «В русскую службу шел волею» (шведские военнопленные периода Северной войны на русской службе в Восточной Сибири // Историческое, природное и культурное наследие. Вып. 2. Улан-Удэ, 1997. С. 7–17.

Корепанов Н. С. Уральские старообрядцы и европейские горные специалисты в XVIII в.: проблема взаимодействия // Немцы на Урале в XVII–XXI вв. Н. Тагил, 2009. С. 20–25.

Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири: первая четверть XVIII века. М. : Изд-во РГГУ, 2005. 209 с.

Шебалдина Г. В. Заложники Петра I и Карла XII : Повседневный быт пленных во время Северной войны. М. : Ломоносов, 2014. 192 с.

Åberg A. Fångars elände: karolinerna i Ryssland 1700–1723. Stockholm : Natur och kultur, 1991. 228 p.

Åberg A. Karolinska kvinnoöden. Stockholm : Natur och kultur, 1999. 170 p.

Åberg A., Bo F. Vår svenska historia. Stockholm : Natur och kultur, 1978. 559 p.
Der allerneueste Staat von Siberien: einer grossen und zuvor wenig bekannten moscowitischen Provinz in Asien ... nebst einer historischen Nachricht von den merckwürdigen Begebenheiten derer in diesem Lande gefangenen Schweden. Nürnberg : bei Wolfgang Moritz Endters seel. Erben, 1725. P. 157–161.

Bell J. A Journey from St Petersburg to Pekin, 1719—22 / ed. by J. L. Stevenson. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1966. 248 p.

Gentes A. A. “Licentious Girls” and Frontier Domesticators : Women and Siberian Exile from the Late 16th to the Early 19th Centuries // Sibirica. 2003. № 3 (1). P. 3–20.

Kagg L., Lewenhaupt A. Leonhard Kaggs Dagbok 1698–1722. Stockholm : Nordiska bokhandeln, 1912. 331 p.

Karolinska krigares dagböcker (1901–1918) : Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter. Lund : Gleerup. Vol. 1–12.

Krueger J. R. "Introduction" // Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia / ed. Philip Johan von Strahlenberg. Szeged : Universitat Attila Jozsef, 1975. Pp. 16–32.

Larsson O. "Karoliner i fangenskap i Sibirien" : Popular Historia. URL: <http://www.popularhistoria.se/artiklar/karoliner-i-fangenskap-i-sibirien/> (mode of access: 24 July 2009).

Muller J. B. Leben und Gewohnheiten der Ostiacken, eines Volcks, dass bis unter dem Polo Arctico wohnet, wie selbiges aus dem Heydenthum i diesen Zeiten zur Christl. Griechischen Religion gebracht, mit etlichen curieusen Anmerckungen vom Konigreich: Sibirien ... In der Gefangenschafft daselbst beschrieben und anjetzo mit einer Vorrede versehen. Berlin, 1720.

Muller J. B. The manners and Customs of the Ostiacks, A nation that extends to the frigid Zone; How they were, in the Year 1712, converted from Paganizm to the Christian Religion of the Grecian Confession. With some curious remarks on the Kingdom of Siberia, and the Streights of Nassau or Waigats. Described by John Bergard Muller, a swedish Captain of Dragoons, in the Captivity: and sent by him to Petersburg the 12th of December 1716 // Weber F. C. The present state of Russia being an account of the government of that country, with civil and ecclesiastical; of the Czar's forces be sea and land, the regulation of his finances, the several methods he use of to civilize his people and improve the country, his transactions with several eastern princes, and what happened most remarkable at his court, particularly in relation to the late czarewitz, from the year 1714, to 1720. Translated from the High-Dutch. 1st ed. L. : W. Taylor, 1722–1723. P. 37–92.

Pihlstrom A. Anders Pihlstroms Dagbok 1708–1723. Stockholm : Nordiska bokhandeln, 1903. 145 p.

Sjebaldina G. Karolinska krigsfangar i Sibirien. Stockholm : Svenskt militarhistoriskt bibliotek, 2010. 191 p.

Stralenberg F. An Historico-Geographical description of the North and Eastern Parts of Europe and Asia, but More Particularly of Russia, Siberia, and Great Tartary; Both in their Ancient and Modern State: together with an entirennew Polyglot-Table of the Dialects of 32 Tartarian Nations: And a vocabulary of the Kalmuck-Mungalian Tongue. As also A Large and Accurate Map of those Countries; and variety of cuts, representing Asiatick-Scythian Antiquities. Written originally in High German By Mr. Philip John von Strahlenberg, a Swedish officer, thirteen years captive in those Parts, now faithfully translated into English. L., 1738. 463 p.

Thorvaldsen G. Swedes in Siberian Diaspora // *Sibirica*. 2008. Vol. 7, № 2. P. 47–66.

Wreech C. F. Wahrhaffte und umstandliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien. Sorau: Rothe, 1725. 861 p.

References

Aberg, A. (1991). *Fangars elande: karolinerna i Ryssland 1700–1723* [Prisoners' Misery: The Carolingians in Russia, 1700–1723]. Stockholm : Natur och kultur. 228 p.

Aberg, A. (1999). *Karolinska kvinnooden* [Carolingian Womens' Destinies]. Stockholm: Natur och kultur, 1999. 170 p.

Aberg, A., Bo, F. (1978). *Var svenska historia* [Our Swedish History]. Stockholm : Natur och kultur, 559 p.

Billington, D. Kh. (2001). *Ikona i topor. Opyt istolkovaniia istorii russkoi kul'tury*. [Icon and the Axe : Interpreting the History of Russian Culture]. M. : Rudomino. 880 p.

Der allerneueste Staat (1725). *Der allerneueste Staat von Sibirien: einer grossen und zuvor wenig bekannten moscowitischen Provinz in Asien ... nebst einer*

historischen Nachricht von den merckwürdigen Begebenheiten derer in diesem Lande gefangenen Schweden [The Latest State of Siberia : A Huge and Hitherto Little Known Muscovite Province in Asia ... Including Historical News About the Peculiar Events of the Swedish Imprisoned in This Land]. Nürnberg : bei Wolfgang Moritz Endters seel. Erben. Pp. 157–161.

Bell, J. (1966). A Journey from St. Petersburg to Peking, 1719—22 / ed. by J. L. Stevenson. Edinburgh : Edinburgh University Press, 248 p.

Glavatskaya, E. M. (2005). *Religioznye traditsii khantov. XVII–XX vv.* [Religious Traditions Among the Khanty in the Seventeenth to the Twentieth Century]. Ekaterinburg-Salekhard : RA ARTmedia, 360 s.

Glavatskaya, E. M. (2015). *Lyuterane Srednego Urala v XVIII – vtoroi polovine XIX v.: instituty, rasselenie, chislennost'* [Lutheran Communities in the 18th – 19th Centuries Urals: Institutions, Distribution, Statistics] // *Izvestiia Ural'skogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Ser. 2. № 2. C.112–119.*

Glavatskaya, E. M. (1999). *A byl li vybor? Argumenty protiv teorii nenasil'stvennogo kreshcheniia khantov i mansi v 1712–1715 gg.* [Was there a Choice? Arguments against the Theory of the Khanty and Mansi Voluntarily Baptism in 1712–1715] // *Ural'skii sbornik. Istorii. Kul'tura. Religii. III. Ekaterinburg : Izd-vo UrGU, 1999. S. 82–103.*

Gentes, A. A. (2003). “Licentious Girls” and Frontier Domesticators: Women and Siberian Exile from the Late 16th to the Early 19th Centuries // *Sibirica. 2003. № 3 (1). Pp. 3–20.*

Zuev, A. I. (1997). “*V russkuiu sluzhbu shel voleiu*” (*Shvedskie voennoplennye perioda Severnoi voiny na russkoi sluzhbe v Vostochnoi Sibiri*) [The Russian service Joined Willingly (Swedish Prisoners of Great Northern War on Russian service in Eastern Siberia)] // *Istoricheskoe, prirodnoe i kul'turnoe nasledie. Vyp. 2. Ulan-Ude. S. 7–17.*

Kagg, L., Lewenhaupt, A. (1912). Leonhard Kaggs Dagbok 1698–1722 [Leonhard Kagg's Diary, 1698–1722]. Stockholm : Nordiska bokhandeln. 331p.

Karolinska krigares dagböcker (1901–1918). *Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter* [Karolingian Warriors' Diaries and Other Contemporary Writings]. Lund : Gleerup. Vol. 1–12.

Krueger, J. R. (1975). “Introduction” // *Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia* [The Northern and Eastern Part of Europe and Asia] / ed. Philip Johan von Strahlenberg. Szeged : Universität Attila József. Pp. 16–32.

Korepanov, N. S. (2009). *Ural'skie staroobriadtsy i evropeiskie gornye spetsialisty v XVIII v.: problema vzaimodeistviia* [Ural Old Believers and European Mining Engineers Interaction in the 18th Century] // *Nemtsy na Urale XVII–XXI vv. Nizhnii Tagil. S. 20–25.*

Larsson, O. (2009). “Karoliner i fångenskap i Sibirien” [Carolinians in prisonment in Siberia.] *Populär Historia*. URL: <http://www.popularhistoria.se/artiklar/karoliner-i-fangenskap-i-sibirien/> (24 July 2009).

Müller, J. B. (1720). *Leben und Gewohnheiten der Ostiacken, eines Volcks, dass bis unter dem Polo Arctico wohnet, wie selbiges aus dem Heydenthum i diesen Zeiten zur Christl. Griechischen Religion gebracht, mit etlichen curieuses Anmerckungen vom Königreich: Sibirien ... In der Gefangenschafft daselbst beschrieben und anjetzo mit einer Vorrede versehen* [Life and Customs of the Ostiaks, a People Who Live Under the Arctic Pole, Who in These Days are Brought from Heathendom to the Christian Greek Religion, with Some Peculiar Remarks About the Kingdom Siberia ... : Written in Imprisonment and now Furnished with a Foreword]. Berlin, 1720.

Muller J. B. (1722-23). The manners and Customs of the Ostiacks, A nation that extends to the frigid Zone; How they were, in the Year 1712, converted from Paganism to the Christian Religion of the Grecian Confession. With some curious remarks on the Kingdom of Siberia, and the Streights of Nassau or Waigats. Described by John Berggard Muller, a swedish Captain of Dragoons, in the Captivity: and sent by him to Petersburg the 12th of December 1716 // Weber F. C. The present state of Russia

being an account of the government of that country, with civil and ecclesiastical; of the Czar's forces by sea and land, the regulation of his finances, the several methods he use of to civilize his people and improve the country, his transactions with several eastern princes, and what happened most remarkable at his court, particularly in relation to the late czarewitz, from the year 1714, to 1720. Translated from the High-Dutch. 1st ed. London, W. Taylor. Pp. 37–92.

Pihlström, A. (1903). Anders Pihlströms Dagbok 1708–1723 [Anders Pihlström's Diary, 1708–1723]. Stockholm : Nordiska bokhandeln. 145 p.

Shebaldina, G. V. (2005). *Shvedskie voennoplennyye v Sibiri: pervaya chetvert' XVIII veka*. [Swedish War Prisoners in Siberia in the First Quarter of the Eighteenth Century]. M. : RGGU, 2005. 209 s.

Shebaldina, G. V. (2014). *Zalozhniki Petra I i Karla XII. Povsednevnyi byt plennykh vo vremia Severnoi voyny*. [Hostages of Peter I and Carl XII. Everyday life of the Prisoners of the Northern War]. M. : "Lomonosov". 192 s.

Sjebaldina, G. (2010). Karolinska krigsfångar i Sibirien [Swedish War Prisoners in Siberia]. Stockholm. : Svenskt militärhistoriskt bibliotek. 191 p.

Stralenberg, F. (1738). An Historico-Geographical description of the North and Eastern Parts of Europe and Asia, but More Particularly of Russia, Siberia, and Great Tartary; Both in their Ancient and Modern State: together with an entire new Polyglot-Table of the Dialects of 32 Tartarian Nations: And a vocabularly of the Kalmuck-Mungalian Tongue. As also A Large and Accurate Map of those Countries; and variety of cuts, representing Asiatick-Scythian Antiquities. Written originally in High German By Mr. Philip John von Strahlenberg, a Swedish officer, thirteen years captive in those Parts, now faithfully translated into English. London. 463 p.

Thorvaldsen, G. (2008). Swedes in Siberian Diaspora // *Sibirica*. Vol. 7. № 2. P. 47–66.

Wreech, C. F. (1725). *Wahrhaffte und umständliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien* [Truthful and Comprehensive History of the Swedish Prisoners in Russia and Siberia]. Sorau : Rothe. 861 p.

The article was submitted on 10.06.2015

Елена Михайловна Главатская,
профессор,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
elena.glavatskaya@urfu.ru

Elena Glavatskaya,
Professor,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
elena.glavatskaya@urfu.ru

Гуннар Торвальдсен, PhD,
профессор университета Тромсё;
научный сотрудник
Международного центра
демографических исследований
Уральского федерального
университета
gunnar.thorvaldsen@uit.no

Gunnar Thorvaldsen, PhD,
Professor University of Tromsø;
Research fellow of the International
Center for Demographic Studies,
Ural Federal University
gunnar.thorvaldsen@uit.no